

23. Луман Н. Эволюция / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
24. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман; пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
25. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 576 с.
26. Доусон К.Г. Религия и культура / К.Г. Доусон; пер. с англ., вступ. ст., коммент.: Кожурин К.Я. – СПб.: Алетейя, 2000. – 281 с. – (Миф, религия культура).
27. Карсавин Л.П. Философия истории / Лев Платонович Карсавин. – СПб.: Комплект, 1993. – 351 с. – (Серия «Памятники религиозно-философской мысли нового времени»). – (Рус. религ. философия).
28. Литаврин Г.Г. Заключение / Г.Г. Литаврин // Византия между Западом и Востоком: опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин; ИВИ РАН. – СПб.: Алетейя, 1999. – С.495-534. – (Византийская библиотека. Исследования).
29. Булгаков С., прот. Православие: очерки учения православной церкви / С.Н. Булгаков. – К.: Лыбидь, 1991. – 238 с.
30. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер [пер. с нем.]. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1376 с. – (Классическая философская мысль).
31. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога / Б.В. Ничипоров. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 192 с.
32. Современная российская цивилизация: серия научных трудов / [под ред. А.Н. Аринина]; Ин-т федерализма и гражд. общества. – М.: [СОВЕРО-Принт], 2000. – Кн. II: Личность. Экономика. Гражданское общество, 2000. – 192 с.

**Космина В. Г. Становление Евразийской цивилизации: некоторые аспекты системного анализа российской истории**

*В статье рассматривается возможность применения системной социологической теории Н. Лумана в исследовании истории Евразийской цивилизации. Автор анализирует коммуникативные взаимосвязи патримониального государства, крестьянской общины и православия в российской истории.*

**Ключевые слова:** Евразийская цивилизация, патримониальное государство, крестьянская община, православие.

**Kosmyna V. G. Formation of Eurasian civilization: some aspects of system analysis of Russian history**

*The article examines the possibility of application of N. Luhmann's sociological theory to the research of a history of the Eurasian civilization. The author analyzes the communicative link between the patrimonial state, peasant commune and Orthodoxy in Russian history.*

**Key words:** Eurasian civilization, patrimonial state, peasant commune, Orthodoxy.

УДК: 316.423.3(4-191.2)“1989”

Э. Г. Задорожнюк

## **РОЛЬ НАРРАТИВОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «РЕВОЛЮЦИЙ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ»\***

*Характер социальных сдвигов отражается на динамике и на способе подачи языковых выражений, в то же время сами эти выражения и нарративы выступают побудителями указанных сдвигов или их ускорителями. Опыт «революций с определениями» («бархатной» в Чехословакии и др.) может служить доказательством справедливости этого тезиса.*

**Ключевые слова:** «бархатная» революция, исторический контекст нарратива, революции, медиа-технологии манипуляции, феномен ненасильственности.

Прошедшее двадцатилетие революций в странах бывшего социалистического содружества, которые изменили лицо Европы, а в какой-то мере и всего мира, стало важным пунктом поиска новых интерпретаций и сути происшедших явлений, и того, как они отразились в ментальности их участников и наблюдателей. При этом с особой рельефностью выяснилось, что важным моментом, определяющим и ход революционных изменений, и особенности их восприятия, выступали не только нарративы – то есть способы организации и подачи информации о происходящих событиях, но даже языковые эмблемы и яркие лозунги. Крайне приблизительным, но вполне приемлемым для выражения этой ситуации может служить известная поговорка: «Как назовешь корабль, так он и поплывет». Отсюда важность для историка истолкования предшествующих и сопутствующих им нарративов, этнолингвистического анализа некоторых лозунгов и контент-анализа документов, отражающих события более чем 20-летней давности.

Что касается понятия нарратив, то им обычно обозначается рассказ или повествование о событиях с элементами исторически и культурно обоснованной их интерпретации, даваемой некой активно участвующей в них личностью или социальной группой. В литературном отношении он сводится к

---

\* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

линейному изложению фактов и событий – того как все происходило «на самом деле», причем с позиций «очевидца». «Нарративная история» предполагает рассмотрение исторического события как возникшего не столько в результате закономерного процесса, сколько в контексте рассказа о нем, неразрывно связанного с интерпретацией его причин, хода и последствий. В чем-то нарративы сходны со слухами (нельзя забывать, что как раз непроверенные слухи явились побудителями взятия Бастилии в конце 18 века и Февральской революции 1917 года в России), а в чем-то с намеренно выдвигаемыми и даже специально конструируемыми лозунгами.

В течение же довольно длительного периода нарративы связаны и с конструированием событий средствами массовой информации (СМИ), что особенно значимо для настоящего времени. Еще в 1970-е годы канадский философ и социолог, теоретик средств СМИ и аналитик воздействия артефактов как средств коммуникации М. Маклюэн (1911-1980) выдвинул знаменитый тезис, или скорее лозунг-метафору: «*media is the message* – медиа из же мессидж», то есть способ подачи материала о событии – это тоже событие. Данное положение многое проясняет в ходе организации революций в Центральной Европе, а затем и в других регионах мира, получивших обобщенное название «революции с определениями», поскольку в ходе их осуществления информация о происходящем в соответствующей подаче сама становилась их частью, иногда весьма значимой<sup>1</sup>.

Поскольку в некоторых смыслах революционные декларации и выводимые из них нарративы также являются частью реальностей (если говорить, что цель революции – ниспровержение кровавого строя, то это одно, а если ставить акцент на политических процедурах, обращаясь к массовой их поддержке, то это другое), постольку интерес к ним вызывает широкий социальный резонанс. Предметом нашего анализа будут не столько ход и оценивание результатов этих революций, сколько их репрезентация через вновь образующийся язык и нарративы в более широких культурно-исторических контекстах с опорой на широкий массив литературных источников [см.: 3-7].

Что дает анализ языкового оформления (путем поиска наиболее подходящих определений, которые, с одной стороны, возникают как бы из ничего, а с другой – вызывают подозрения своей искусной сконструированностью и частой повторяемостью) и нарративной подачи этих революций? Одним из выводов можно считать, что обращение к определениям часто и нарочито скрывает реальные механизмы осуществления действий. Определения «бархатная», «оранжевая» и другие в первую очередь легко «ловятся на слух» и «хватают за глаз», неправильно структурируя восприятие и уводя от конкретного анализа реалий.

Действительно, революции с определениями – это новый шаг в том, что можно назвать поступью истории. Они зафиксировали ту ситуацию, что кровавые столкновения классовых сил уже не являются главной причиной социальных изменений. Они сильны, как говорил еще в позапрошлом веке поэт А.С. Пушкин (1799-1837), мнением народным<sup>2</sup>. Но это не отменяет задачи мультидисциплинарного анализа предваряющих и сопровождающих их нарративов, часто чрезмерно ускоряющих одни – не всегда конструктивные – и замедляющих другие социальные процессы.

«Бархатная» революция в Чехословакии с ее подвидом – «нежной» революцией в Словакии положила начало процессу называния цепи событий, приводящих к коренным социальным преобразованиям, причем не только в регионе Центральной Европы. По мнению большинства наблюдателей, начавшись здесь в конце 1980-х годов они затем распространились на страны СНГ и в первом десятилетии нового столетия охватили ряд стран Азии и Латинской Америки. Поющая революция в странах Балтии, революция роз в Грузии и тюльпанов в Киргизии, оранжевая (помаранчевая) революция на Украине, кедровая революция в Ливане и шафранная в Бирме, зеленое лето 2009 года в Иране – список далеко не закончен. Признаками этих революций является их ненасильственный характер – или реальный, или декларируемый, но в любой случае доминирующий в лозунгах и нарративах.

---

<sup>1</sup> Знаменитое изречение М. Маклюэна «*The Media is the Message*» – это название первого абзаца его книги «*Understanding Media*» («Понимая медиа: Внешние расширения человека». 1964) Наиболее адекватно дал его интерпретацию Х. Иннис: «Форма медиа-технологии, средства передачи информации часто если не определяет, то серьезно влияет на содержание передаваемого. Пример: Та форма медиа, которой является пресса, по своей природе делает концепт правды безотносительным, несуществующим. Способ передачи информации через газету, журналистику, агентства и т.д. уничтожает само понятие правды» [см.: 1]. Тем самым телевидение, радио, газеты и другие СМИ оказывают огромное и непредсказуемое развитие влияние на развитие общества самим фактом своего существования. Однако эти эффекты оказываются трудно замечаемыми из-за того, что исследователи в первую очередь интересуются смыслом передаваемых сообщений. П. Маченд подчеркнул, что именно Маклюэн сформулировал необходимость изучения скрытых медиаэффектов в виде знаменитого высказывания «Средство передачи сообщения само является сообщением» [2].

<sup>2</sup> «Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою помощью, А мнением; да! мнением народным», – писал он в трагедии «Борис Годунов» [8, с.316]. Остается добавить, что способы и средства организации этого мнения в том или ином направлении постоянно совершенствуются, а нарративы с опорой на СМИ конструируют его все с большей успешностью.

Действительно, ключевыми в ходе этих революций являются переговоры об условиях передачи власти. Это дало основание дать им всем некоторое генерализированное название «переговорные» революции следуя логике, которую воспроизвел политолог Г.Т. Аш [9; 10]. Анализируя англо-, франко- и немецкоязычную литературу, а также свои труды по данной теме [11-16], он реконструировал ход событий следующим образом: массы выходят на улицы, чтобы побудить носителей власти сесть за переговорный стол, компромиссы достигаются как раз тогда, когда мобилизационный максимум массовых движений достигает своего пика. Конечно, это происходит не сразу: напор может оказаться сдержанным и даже начинаются насильственные репрессии – но от одной попытки вывести массы на улицы до другой оппозиционеры становятся все сильнее и бесстрашнее, они – как и представители власти, обладающие импульсами к реформаторству – делают выводы из ошибок (относительно преследований и укрепления авторитета оппозиционеров Аш приводит примечательные слова ирландского драматурга С. Беккета, что они с каждым разом «падают все лучше»). «Обе стороны раз от разу учатся по-разному. И наконец наступает время, когда эти двое составляют пару в танго» [9; 10].

Примечательно и следующее: представителей властвующей элиты в ходе революции не только не отправляют на гильотину, но даже сохраняют за ними некую долю властных позиций и капиталов. Гильотина, которая, по утверждению Аша, появлялась в последний раз в 1949 году – за столетия от «бархатных» революций – в Китае, была тем самым отправлена в прошлое (конечно, не навсегда и не для всех мест), списана как орудие социальных трансформаций. Ее место занял переговорный стол, который от этого не перестал быть ристалищем борьбы.

Однако термин «переговорные» революции прижился с трудом – в нем нет яркости, а много того, что можно назвать словами папы Иннокентия X, который сказал художнику Веласкесу относительно своего портрета: Слишком правдиво... Объяснительный потенциал данного термина куда более ёмкий по сравнению с термином «бархатные» («цветные») революции, все же к нему даже серьезные исследователи прибегают достаточно редко; например, «цветов» для обозначения революций в Польше (где инициатором изменений являлись массы, выражающие протест на протяжении десятилетнего периода) или в Венгрии (где лидирующую роль в ходе изменений брали на себя коммунисты-реформаторы, то есть часть властвующей элиты) так и не нашлось.

Феномен, который приобрел уже не только региональные, но и глобальные очертания и который сводится к доминированию в основном ненасильственных действий в ходе революционных преобразований – так называемые революции с определениями, или, более сужено, цветные революции – постоянно привлекает к себе внимание исследователей самых различных направлений. Доминирующим в их рассмотрении выступает междисциплинарный подход, а в его рамках возрастает роль анализа нарративов, предвещающих и сопутствующих им революционные события, а также динамика последующих их интерпретаций.

Роль нарративов в революциях с определениями возросла настолько резко, что это привело к возникновению предположений об их намеренном конструировании и злоупотреблении ими. Тем самым нарративы могут превращаться в то, что французский социолог и философ Ж. Бодрийяр (1929-2007) называл симулякрами – копиями несуществующих оригиналов, искусственно и очень искусно созданными подделками, определяющими зачастую ход событий<sup>1</sup>.

Ярким примером выступает здесь «казус Шмида» в ходе «бархатной» революции в Чехословакии. Как известно, слухи об убийстве пражского студента, ставшие в СМИ искусственно сконструированным нарративом, явились побудителем студенческих демонстраций, а в дальнейшем – участия в протестном движении широких народных масс. Книг о казусе Шмида написано десятки, статей – сотни. Открываются и, видимо, будут открываться новые документальные свидетельства о нем. Однако этот казус продемонстрировал и более общую закономерность, присущую всем революциям с определениями, – постоянно растущую роль нарративов в детерминации социальных событий.

При этом вовсе необязательно обращаться к конспирологическим или манипулятивным теориям: такова особенность нового выстраивания социальных событий. На это же указывает и обращение к определениям, эмблематично включающим, во-первых, оттенки различных цветов, во-вторых, деревьев, фруктов, в-третьих, тех же материалов – бархата (или, точнее, вельвета, который, как известно, представляет собой мягкую ткань с промежутками между полосами ворса, ее фактура в какой-то степени характеризует переменчивый ход революционных преобразований в Чехословакии с использованием потенциала всех участников политического процесса) и т.д., и т.п.

Надо особо подчеркнуть, что данные нарративы имеют длительную предысторию, начинающуюся от способа подачи идеи «социализма с человеческим лицом». Образно говоря, после 1968 г. в стране шли

---

<sup>1</sup> «Само определение реальности, – подчеркивал Ж. Бодрийяр, – гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Такое определение возникло одновременно с наукой, популяризирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях... В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность» [см.: 17, с.151]. Эта ситуация воспроизводится через СМИ, но если в стабильных обществах посредством симулякров происходит революция в потреблении путем введения новой моды, то в трансформирующихся обществах затрагиваются сами основы их функционирования.

непрекращаючі пошуки не тільки особи, але і відповідного голосу, відображають реальність змін. Соціалістична їх складова не була списана в архів у часи «режиму нормалізації», але всі ж на провідні позиції в антинормалізаційному русі, по крайній мірі після Хартії 77, виходили інші ідеї: забезпечення процесів дотримання прав людини (в більшій ступені в Чехії) і русі релігійної спрямованості (в більшій мірі в Словаччині). Домінантою всіх трьох русів виступала акцентована установка на ненасилля, що і відобразилося во всіх їх документах. Це не означає, що політичеським цілям відводилося третєстєпенне місце, це скорше потреба в новому роді політики.

Важно також виявлення співвідношення міфического і реального наповнення цих або інших русів, як це відображається в нарративах. Опозиційне русі в Чехословаччині набуло масовий характер тільки у часи «бархатної» революції 1989 г., однак його лідери прагнули представити попередні етапи еволюції цієї або іншої її структури як потужної політичеської сили. Протестні нарративи при цьому навантажувалися додатковими і часто мало співвідносимими з реальностями значеннями. Більше того, вони претендували на спадковість до старими ідеологічеськими постулатами (опираючись во багатьох на історичеську пам'ять, наприклад, на ідею «соціалізму з людським обличчям») або на створення принципово нових.

В цьому особливо преуспіли хартисти і, в частині, В. Гавел: його ідеї «неполітичеської політики», «влади безвластних», виражені в формі броских оксюморонів, активно входили в лексику світової політичеської ідеології. Тільки дальніші події показали: розмови про подібний «наличчя відсутності» політики прагнення до влади і т.п. як раз і були способом досягнення останньої (а в чьому-то, згідно злому, хоча і спірному мненню англійського дослідника Дж. Кіна, навіть формою ізоціреного макіавеллізму); про це, в частині, свідчить і успішна державна кар'єра Гавела [см.: 18, с.9-10].

В цій зв'язі є всі основи утверджувати, що як історія революцій з визначеннями була б неможливою в цих формах, в яких вони відбувалися, без їх історії як протестних русів, так і динаміка мобілізуючих нарративів представляє складно роз'яснювану, якщо не враховувати специфіку становлення багатьох передіснуючих їм ідей і лозунгів. Наприклад, слово «бархат (вельвет)» і його производні, ставши емблематичними в називанні коренних соціальних перетворень, могли б бути виведені не тільки з положень Хартії-77, але і документів русів з соціалістичеської складоваючої і словацьких протестних груп.

Приведемо в цьому плані цитати з трьох помітних документів В «Воззванні Хартії 77» (січень 1977 г.) говориться, що вона «не є базою для опозиційної політичеської діяльності. Вона прагне служити загальним інтересам подібно багатьом таким же громадянським ініціативам в різних країнах на Заході і Сході. Таким чином, вона не намірена висувати власну програму політичеських або суспільних реформ або змін, але вести в сфері свого впливу конструктивний діалог з політичеською і державною владою, переді все в тому плані, що буде звертати увагу на різні конкретні випадки порушення прав людини і громадянина, готувати на них документацію, пропонувати рішення, пред'являти різні більш загальні проекти, націлені на розширення цих прав і їх гарантій, діяти як посередник в можливих конфліктних ситуаціях, які можуть бути викликані несправедливістю і др.». Програмова декларація підготовчого комітету Клуба за соціалістичеську перестройку – «Возродження», прийнята в лютому 1989 г., утверждала: «Одною з первоочередних цілей нашої діяльності ми вважаємо сприяння заключенню основного національного угоди всіх суспільних класів і груп, а також ідейних течій з метою створення сприятливої перестройки політичеської атмосфери. Напруження в суспільстві, особливо між правлячими центрами і значительною частиною суспільності, включаючи громадянські ініціативи, необхідно усунути. Відсутність діалогу з неформальними об'єднаннями і їх репресії блокують демократичеське розвиток і погіршують суспільний клімат. Возродження своєю соціалістичеською альтернативою перестройки політики, економіки і культури, намірено допомогти подолати протиріччя в суспільстві і розробити відповідну концепцію демократичеського устрою відносин в державі, до якої могли б підтримувати всі прогресивно мислячі громадяни». Нарешті, Перше Заявлення громадянського русі в Словаччині – Суспільність проти насилля (20 січня 1989 г.) прозивало: «Включайтеся разом з нами в боротьбу за початок суспільного діалогу, за істинну, а не тільки продекларовану демократію. Ми виступаємо з своєю ініціативою за покращення відносин, кожен на своєму місці, на роботі, в школі, в суспільстві. Апеліруємо в цьому плані до суспільних і політичеських організацій, членами яких ми є. Ми всі вимоємо, щоб на всіх рівнях нас і наші інтереси представляли чесні люди, до яких ми довіряємо» [18, с.393,414,430].

Термін же «бархатний» применительно до революції вперше ввели в обіг англійськими журналістами (з приписуваным їм авторством цей політичеський аналітик не погоджується), потім його підняли екс-диссиденти, нарешті, він став загальноприйнятим. Дійсно, на наш погляд, він тільки є плодом індивідуального розуму, скорше можна говорити про результат колективного мовного творчесьтва. Не випадково цей термін став, якщо можна так висловитися, родовим для називань багатьох інших однотипних революцій.

Но, естественно, суть дела не в названии. Изменилась сама природа того феномена, который именуется революцией: делается ставка не на насилие, а на способы его недопущения. Воля у революционеров той же Чехословакии оказывалась достаточно последовательной и ее можно назвать в чем-то железной. Однако осуществлялась она с опорой на акции ненасильственного характера. И если эти акции не набирали достаточной силы и не становились массовыми, революционеры опережающих действий не предпринимали. Отсюда объяснение той стратегии Гавела и его союзников (получивших название-оксюморон «неполитическая политика»), которые уже в ходе осуществления именовались его политическими противниками оппортунизмом. Жесткие критики Гавела (тот же Дж. Кин [19]), оценивая эту линию на оппортунизм, писали о нем даже как о макиавеллисте и отмечали, что «бархатной» была только перчатка, рука же власти оказалась «железной».

Подтверждением этому может служить противостояние В. Гавела и А. Дубчека, которого «бархатно-железно» отодвинули в качестве возможно претендента на президентский пост. Приведем соответствующие тексты в частности и для демонстрации динамики нарратива об этом до сих пор не проясненном в полной мере процессе. Оценивая ситуацию с выборами президента в 1989 году, З. Йичинский полагал, что «реализация предложения о выдвижении на пост президента А. Дубчека могла бы не только теснее объединить чешский и словацкий народы, но и усилить преемственность происходящих событий с Пражской весной. Если бы Дубчек стал бы тогда президентом республики, дальнейшего развития Чехословакии проходило, возможно, по-иному и, по все видимости, не произошел бы распад государства. Хотя это, естественно, всего лишь гипотеза» [20, с.317-318].

Остается добавить, что история не имеет сослагательного наклонения, но нарративам всегда присуща смесь того, что можно назвать, используя грамматические термины, повелительным и изъявительным наклонениями. Чтобы проиллюстрировать данное положение, приведем слова В. Гавела на переговорах 5 декабря 1989 г.: «Я, естественно, президентом быть не хочу. Однако если ситуация сложится так, что в интересах отечества будет необходимо, чтобы я им на краткое время стал, я способен им быть. Потому что интересы отечества я всегда ставил выше своих личных интересов, в противном случае не сидел бы в тюрьме и так далее. Но я твердо надеюсь, что интересы родины не будут выше моих личных интересов и я смогу посвятить себя литературе» [20, с.310-311].

15 лет спустя он же дал такую интерпретацию проходивших переговоров. «Абсурдность положения, – по его словам, – заключалась в том, что в течение всего этого периода никто не имел отваги и энергии четко сказать ему (т.е. Дубчеку. – Э.З.), что он не будет выдвигаться кандидатом на пост президента от Гражданского форума и Общественности против насилия и что эти два института предложат другого кандидата. Общественность против насилия тоже не хотела Дубчека. Но никто не осмеливался сказать ему об этом, пока в конце концов это не пришлось сделать мне. То есть сложилась абсолютно курьезная ситуация. Я, будучи кандидатом, должен был ему объяснять, что президентом стану я, а не он – совершенно гротескная ситуация, каких в то время насчитывался миллион» [21, с.250]. Нужно ли искать лучший пример едва ли не до гротеска меняющейся динамики нарратива практически об одном и том же процессе?!

И все же, на наш взгляд, в Чехии, а еще в большей мере в Словакии революция исходила из презумпции ненасильственности, поэтому подобного рода оппортунизм был неизбежен, а для его обозначения определения «бархатная» и «нежная» подходят в оптимальной мере.

Например, вполне «по-бархатному» Гавелу и его соратникам удалось разыграть карту перевода депутатов-коммунистов в Федеральном собрании (парламенте) Чехословакии в число своих сторонников. Подобного рода акций можно насчитать десятки и они выражают характер революций, коренным образом отличающихся не только от революции 1917 года, но даже революционные события 1948 и 1968 годов, когда имели место и кровь, и насилие.

Даже полиция, участвовавшая в сдерживании акции протеста 1989 года была фактически безоружной, а призывы к ее использованию представлялись как анахронизм. Еще в большей мере данная тенденция проявилась в Словакии, отнюдь не случайно там сама революция была названа для определения такого рода явлений беспрецедентным термином. Не потребовалось даже таких сверхмассовых митингов, как в Праге, поскольку революция произошла скорее в восприятии неизбежности перемен, чем в их реальном продвижении.

Все это отражается и в характере нарратива. Рассказы чешских лидеров и участников революции отличаются большей эмоциональностью, и даже выпендриваемостью, акцентом на решительности действий, таковыми по сути не являющимися и т.п. Нарративы относительно словацкой революции – мягче, и – если можно так выразиться – нежнее. Так, если в речах В. Гавела превалирует симбиоз образности, выводимой иногда из художественной практики написания его пьес абсурда, и западноевропейского рационализма, то речи известного словацкого политика Я. Чарногурского пронизаны христианскими ценностями и обоснованием потребности их воплощения в современную жизнь.

Естественно, проблема характера отражения революционных событий в нарративе и даже в определениях революции лишь поставлена. На наш взгляд, необходимо продолжение работы в плане контент-анализа основных документов, текстов выступлений и пр. Однако справедливость тезиса о том, как назовешь корабль, так он и плывет, уже может быть подтверждена и на нынешнем уровне рассмотрения. Тем самым нами зафиксирована значимость глубинного истолкования нарративов и

анализа лингвистического оформления отражения разного рода процессов в языке для понимания сути происходящих событий.

Многие исследователи уже достаточно давно подчеркивали, что социальные преобразования вызывают языковые сдвиги. Можно выдвинуть более смелое утверждение: характер социальных сдвигов отражается на динамике и даже на способе подачи языковых выражений.

Но важнее другие: сами эти выражения и нарративы выступают побудителями указанных сдвигов и их ускорителями. Опыт революции с определениями может служить доказательством справедливости этого тезиса и побуждением к дальнейшему анализу нарративов – как тех, что предшествуют и сопровождают указанные революции, детерминируя их название, так и тех, которые служат предметом последующих интерпретаций.

Наше исследование вовсе не отрицает роли объективных детерминант революционных событий и их хода, однако нельзя не заметить, что нарративы играют все возрастающую роль в их организации. Этим детерминируется настоятельность мультидисциплинарного подхода к ним, контуры которого в настоящее время только формируются в рамках любой историографии. При этом вышеуказанные определения одновременно скрывают и открывают суть происходящих процессов, в первом случае предоставляя их генерализованным образом, а во втором выявляя роль подачи этих процессов в средствах массовой коммуникации как побудителя дальнейшего их развития.

### Источники и литература

1. Innis H. The Bias of Communication / H. Innis. – Toronto, London, 1995.
2. Marchand P. Marshall McLuhan. The Medium and the Messenger: A Biography / P. Marchand. – MIT Press, 1998.
3. Bartuška V. Polojasno. Pátrání po vinicích 17. Listopadu 1989 / V. Bartuška. – Praha, 1990.
4. Bradley J. Czechoslovakia's Velvet Revolution. A Political Analysis / J. Bradley. – N.Y., 1992.
5. Měchýř J. Velký převrat či snad revoluce sametová? Několik informací, poznámek a komentářů o naší takřčené něžné revoluci a jejích osudech 1989-1992 / J. Měchýř. – Praha, 1999.
6. Otáhal M. Studenti a komunistická moc v českých zemích 1968-1989 / M. Otáhal. – Praha, 2003.
7. Suk J. Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křížovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990) / J. Suk. – Praha, 2003.
8. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. / Александр Сергеевич Пушкин. – Т.5. – М., 1957.
9. Ash T.G. 1989! / T.G. Ash // New Times of Books. V.56. November 5. 2009 // <http://www.nybooks.com/articles/23232>
10. Ash T.G. Velvet Revolution: The Prospects // New Times of Books. V.56. December 5. 2009 / T.G. Ash // <http://www.nybooks.com/articles/23232>
11. Meyer M. The Year That Changed the World: The Untold Story Behind the Fall of the Berlin Wall / M. Meyer. – N.Y., 2009.
12. Ratnesar R. Tear Down This Wall: A City, a President, and the Speech That Ended the Cold War / R. Ratnesar. – N.Y., 2009.
13. Sarotte M.E. 1989: The Struggle to Create Post-Cold Europe / M.E. Sarotte. – Princeton, 2009.
14. Meyer M. Histoire secrete de la chute du mur de Berlin / M. Meyer. Paris. 2009.
15. Dalos G. Der Vorhang geht auf: Das Ende der Dictaturen in Osteuropa / G. Dalos. – Berlin, 2009.
16. Ash T.G. The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague / T.G. Ash. – L., 1990; Idem. Facts Are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name / T.G. Ash. – Atlantic Books, 2009.
17. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М., 2000.
18. Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.) / Э.Г. Задорожнюк. – М., 2008.
19. Keane J. Vaclav Havel. A Political Tragedy in Six Acts / J. Keane. – London, 1994.
20. Задорожнюк Э. Г. История «бархатной» революции. 17 ноября – 29 декабря 1989 г. / Э. Г. Задорожнюк // Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. Кн.2. – М., 2005.
21. Задорожнюк Э.Г. «Бархатная» революция в Чехословакии: настоятельность новых интерпретаций / Э. Г. Задорожнюк // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европы. – М., 2007.

#### **Задорожнюк Е. Г. Роль нарративів в інтерпретації «революцій з визначеннями»**

*Характер соціальних змін відбивається на динаміці та на способі подачі мовних виразів, водночас самі ці вирази та нарративи виступають збудниками вказаних змін або їх прискорювачами. Досвід «революцій з визначеннями» («оксамитової») у Чехословаччині тощо) може слугувати доказом справедливості цієї тези.*

**Ключові слова:** «оксамитова революція», історичний контекст нарративу, революції, медіа-технології маніпуляції, феномен ненасильства.

#### **Zadorozhnyuk E.G. Role of narratives in interpretation of the “revolution with definitions”**

*Character of social changes is reflected with dynamics and methods of presentation of verbal expressions, at the same time these expressions and narratives are activators or accelerators of the mentioned changes. Experience of “revolutions with definitions” (such as “Tender Revolution” in Czechoslovakia and so on) can be considered as evidence of fairness of this point.*

**Key words:** Tender Revolution, historical context of narrative, revolutions, media technologies for manipulation, phenomenon of nonviolence.